

ОТ ОТКРОВЕНИЯ К САЙЕНТИЗМУ

Поверженные богословы лежат рядом с колыбелью науки подобно задушенным змеям у колыбели Геракла; и история отмечает, что всякий раз, когда наука и ортодоксия сталкивались в честном противоборстве, последняя была вынуждена отступить под натиском противника — раздавленная и истекающая кровью, если не полностью уничтоженная; искалеченная, если не убитая

ТОМАС Г. ГЕКСЛИ
(Huxley, 1893, 52)

Нравится нам это или нет, но в человеке заложена склонность к поклонению чему-то, что превосходит его самого. Об этом свидетельствуют факты, начиная с самых примитивных племен до средневековых соборов в Европе, равно как и евангельское движение, начавшееся в шестидесятые годы нашего века и продолжающееся по сей день. И все же всегда найдутся люди, сомневающиеся в уместности подобного занятия в двадцатом веке. Для одних поклонение отождествляется с ритуалом каждения благовоениями, бездумно совершаемым при зажженных свечах под звуки григорианского распева, для других сводится к стоически регулярному посещению выдержанного в простых традициях собрания. Однако, задумавшись, мы увидим, что понятие поклонения имеет гораздо более широкое значение. Фашистское приветствие последователей генерала Франко или Адольфа Гитлера было знаком льстивого поклонения, скопированным с поднятых рук молящихся иудеев и мусульман. Флаги с портретами Сталина и Мао Цзэ-дуна в принципе были тем же самым, что и хоругви Римско-католической церкви или восточно-католические иконы. Праздничные первомайские парады так же устраиваются для прославления, как славили бы Бога пышные процессии религиозных праздников. Распевы “Аллилуйя” во славу Бога отобразились в хвалебных возгласах “Зиг хайль”, скандировавшихся членами нацистской партии во славу своего фюрера; а распятие и свастика, похоже, занимают равное положение в умах их последователей. Образ Мадонны использован Американской атеистической церковью, имеющей собственную мадонну в

лице ее основательницы Мэдлин Марри О'Хэар. Все это формы поклонения, различающиеся по признаку — *кому* поклоняться.

Эти параллели были бы неполными без книг, которыми пользуются так же, как христианской Библией, в качестве истины в последней инстанции и назидания. Общеизвестными примерами являются “Книга мормонов”, гитлеровская “Майн кампф” и небольшая красная книжечка — цитатник Председателя Мао. Наконец, коренное значение слова “поклонение”, связанное с такими понятиями, как благоговение, восхваление и преданность, равно применяется к именам Христа, Магомета, папы Римского, Карла Маркса и даже Чарльза Дарвина.

Большинство мыслящих людей в какой-то момент жизни оказываются перед необходимостью выбора конкретной философской системы, которой желают следовать. Частный пример такого выбора — голосование за какого-либо политического кандидата. Вера в какую-либо конкретную систему ведет к исповеданию этой веры перед другими, что, в конечном счете, укрепляет преданность этой системе верований. “Небольшой безвредный ритуал” посвящения в трансцендентальную медитацию, клятва участников Олимпийских игр, бесконечные заверения в преданности коммунистической партии ее членов; точно такой же принцип исповедания веры, присущий этим занятиям, может быть обнаружен в виде непрекращающихся и упорных указаний на веру в эволюцию в неформальных дискуссиях, на устных экзаменах, с кафедры лектория.

Из предыдущих глав известно, что подтверждения эволюции не существует: никто никогда не продемонстрировал ее в лабораторном эксперименте, и теперь как никогда ясно, что она оказывается ни чем иным, как систематическим вероучением (Кейт, 1925с)¹. Постоянное исповедание веры в то, что не подтверждается фактами, представляет собой широко практикуемый религиозный механизм, используемый для утверждения веры в сознании верующего. Это справедливо для веры и в разумного Творца, и в эволюцию, и в существование разумной жизни в космическом пространстве. Сегодня этот принцип столь же верен, как был во времена Римской Империи. Император Марк Аврелий заметил: “Каковы обычные твои мысли, таков будет и характер твоего ума; мысли красят душу” (Лонг — Long, 1869, 112)². Общеизвестно, что некоторые книги, если их читать и перечитывать, изменяют жизнь людей. Дарвин не был исключением. Он признавался, что большим достоинством “Основ” Лайеля было то, что эта книга “изменила общий тон мышления человека” (Ф. Дарвин и Сьюард — Darwin, F. and Seward, 1903, 2:117). Более подробно о религиозных аспектах эволюции расскажем в следующей главе.

Еще одно свойство человеческой природы, о котором упоминалось в первой главе, — способность допускать возможность сверхъестественного или чудесного. Возьмем, к примеру, греков. На протяжении долгой истории афиняне гордились своими интеллектуальными и художественными достижениями; именно они дали миру многих величайших философов, которых современный западный мир и поныне считает таковыми. Павел Тарский, человек незаурядного ума, посетил Афины почти две тысячи лет назад и поразился, что афиняне поклонялись множеству различных богов. Его попросили рассказать о Христе и слушали с большим интересом и вниманием. Но только он упомянул воскресение из мертвых — реакцией стали ирония и насмешки (Деяния, 17:31). До этого момента все казалось афинянам совершенно разумным и логичным. Но, только оратор предложил поверить в чудо, жители Афин посчитали свой разум оскорбленным.

Со времен Павла ситуация не изменилась ни на йоту: многим из тех, кто подобно древним грекам, поклоняется различным богам, оказывается, трудно, если вообще возможно, признать библейские чудеса. Например, Уэстфолл отмечал, что один из величайших английских ученых Исаак Ньютон (1642-1727), глубоко религиозный человек, веривший в Христа и весть о Спасении, терзался тревогой по поводу разумности христианства (Westfall, 1981)³. Он посвятил себя делу спасения христианства путем переписывания Библии для очищения ее от того, что он называл “искажениями”, то есть от чудесных событий (Коуэн — Cohen, 1955, 72). Он совершенно

Исаак Ньютон (1642—1727).

Хотя Ньютона продолжают считать британским национальным героем, некоторые неприглядные аспекты его жизни обычно неизвестны англоговорящей публике. (Гравюра У. Т. Фрая с портрета работы Нэллера; Медицинская академия, Торонто.)

отрицал догмат Троицы⁴. И в этом Ньютон не одинок. Если покопаться в работах знаменитых людей, можно обнаружить, что многие из них благочестиво писали о Божьей любви и спасении, но в душе не могли принять чудесного. Непорочное Зачатие и Воскресение слишком важны для христианского символа веры, чтобы можно было выражать к ним открытое недоверие, но все остальное, в особенности такие отдаленные события, как Сотворение и Потоп, в конечном итоге подверглось нападкам скептицизма.

К концу девятнадцатого века, когда теория эволюции стала обретать вес в определенных кругах, если не повсеместно, Давид Штраус, немецкий критик Библии, заявил, что дарвиновская теория неоспорима для тех, кто жаждет “истины и свободы” (Strauss, 1846)⁵. В своей работе “Вера старая и новая” (1873) он выразил чувства тех, кто был не способен принять сверхъестественные события, довольно типичным образом:

Тщетно мы, философы и критики-богословы, вновь и вновь требовали искоренения чудес; наши бесполезные наставления исчезали как дым, потому что мы не могли ни обойтись без чудесного вмешательства, ни указать какой-то естественный источник, когда это представлялось совершенно необходимым. Эту силу, этот процесс природы продемонстрировал Дарвин; он отворил дверь, через которую более счастливое человечество изгонит чудеса окончательно и бесповоротно (Strauss, 1873, 205).

Признание возможности чудес порождает двойной страх: перед произвольным вмешательством Бога в человеческие дела и страх

Давид Штраус (1808—1874). Этот немецкий теолог открыто выразил то, что чувствовали многие — дарвиновское натуралистическое объяснение наконец-то освободило их от необходимости верить в чудеса. (Научная библиотека Джона П. Робартса, Университет Торонто.)

ответственности после смерти. Дарвин и эволюционный материализм освободили человека от первого, если не от обоих этих страхов. Наконец-то человек смог почувствовать себя защищенным непреклонным и нерушимым законом природы.

Римско-католическая и протестантские церкви всегда верили в сверхъестественное измерение, и вплоть до девятнадцатого века у них не было проблем с библейскими чудесами, включая шестидневное Сотворение и библейский Потоп. Принципиальное разделение между протестантами и католиками было вызвано различиями во взглядах на сверхъестественное в вопросе откровения на личном уровне. Начиная же примерно со времени Французской революции, христианство как таковое было атаковано сразу с трех сторон. Во-первых, такие философы, как Декарт и Руссо во Франции, а позднее Геккель и Ницше в Германии, подвергли сомнению иудео-христианский образ жизни и предложили новое мировоззрение. Второй удар был нанесен со стороны науки в виде работ Лайеля и Дарвина, третий же — в области истории под видом библейской критики. В этой и последующих главах попытаемся вкратце показать, как отреагировала на это церковь и как капитулировали ее лидеры, в результате чего то, что прежде опровергалось с церковной кафедры как гнусная ложь, спустя лишь несколько лет стало проповедоваться с той же кафедры как вечная истина.

Подготовка атаки

Великое евангелическое возрождение в протестантской Англии второй половины 1700-х годов под руководством горстки таких людей, как Джон и Чарльз Уэсли, было кратко описано в третьей главе. Одним из результатов этого возрождения стало явное отвержение безбожных философий, зародившихся в социалистической Франции и поддерживавшихся некоторыми их сторонниками в Англии. Возможно, наиболее влиятельным автором-естествоиспытателем того времени был богослов Уильям Пэйли (1743—1805), опубликовавший в 1802 году свое “Естественное богословие”. В этой книге он привел бесчисленные примеры из природы, свидетельствующие об очевидности замысла и указывающие на Творца, надеясь тем самым противодействовать гуманистическому влиянию в Англии про-французского философа Дэвида Юма. Тем не менее Пэйли не принадлежал к евангелической школе и стремился оставить Бога “где-то там”, вне Его творения.

Евангелическое возрождение распространилось на колонии в Северной Америке и продолжалось вплоть до царствования королевы Виктории в 1800-е годы. Евангелисты принадлежали главным образом к Англиканской, а также к образовавшейся позднее Мето-

дистской церкви. Основное различие между евангельскими и обычными христианами, часто сидевшими на одной и той же скамье, состояло не в отношении к повествованию Книги Бытия о Сотворении и о Ноевом Потопе, поскольку в то время практически каждый принимал это как буквальные факты. Отличительной особенностью было скорее активное стремление евангелистов приобщить всех остальных к практической и личной связи с Богом. Эта непреодолимая внутренняя тяга объяснялась открытием заново того, что было найдено ранними протестантами в Римской Церкви. В основе лежало признание, что хотя пять чувств и разум человека (путь Аристотеля к мудрости) ненадежны, можно обрести шестое чувство и познать высшую мудрость через откровение. Лишь меньшинство христианского населения было готово пойти на этот личностный контакт со сверхъестественным. Но это меньшинство было весьма влиятельным (Хаус — Howse, 1976). Статистические данные могут подвергаться сомнению, но, как свидетельствует английский пример, в 1820 году один из каждых двадцати англиканских священников был евангелистом, а к 1830 году — каждый восьмой (Хэннелл — Hennell, 1977, 513). К этому времени в Англии произошла нравственная революция: петушинные бои и травля быков и медведей отошли в прошлое; книжные лавки, торговавшие “грязными книгами”, закрылись за отсутствием покупателей; начали свою деятельность миссионерские объединения и общества, распространявшие религиозные издания. В 1831 году было основано Общество соблюдения Дня Господня. Многие члены правительства были евангелистами, тогда как обе палаты парламента были “крайне правыми” по сравнению с любой современной правящей партией. Не приходится сомневаться, что эту позицию усиливала память о внушавших ужас последствиях подъема “левого крыла” во Франции. “Демократия” отошла в область нереального (Howse, 1976, 45).

Таков был общий климат, когда в 1830 году в историю вошел Лайель со своими “Основами геологии”. Эту книгу приняли плохо как служители церкви, так и многие другие, кто с ней ознакомился, хотя Лайель был достаточно осторожен и представлял униформизм как лишь одно из возможных объяснений. Большинство “людей в мантиях” распознали в книге Лайеля острие клина, вбиваемого в основание христианской веры, и книга громогласно провозглашалась ересью с каждой кафедры. Более дальновидные люди, возможно, усмотрели в ней и непреднамеренную попытку введения социализма через науку, во всяком случае, все считали ее вопиющим осквернением Писания. В противоположность любому современному человеку с неортодоксальным научным мировоззрением, Лайель был в некотором смысле защищен от критики, поскольку его состояние

обеспечивало ему независимость и он мог иметь прибежище в компании коллег-единомышленников в залах Королевского общества. Именно в то самое время, в 1830-е годы, когда Лайель сражался с евангелической ортодоксией, судьба дала средство для обращения некоторых в новую веру. Это был древний как мир принцип, что самым эффективным способом введения новой системы убеждений является предварительная подготовка умов путем посева сомнения в существующих верованиях. Это сомнение пришло точно в нужное время и со стороны, знакомой евангелистам, — из Древнего Египта.

Длинная тень сфинкса

Французская революция породила одного из наиболее отвратительных мировых деспотов. Стремление Наполеона Бонапарта править миром привело его в Египет, и в 1798 году он разбил войско мамлюков в битве у Пирамид. Очевидные признаки некогда могучей цивилизации заинтриговали Наполеона, и он приказал группе инженеров, художников и ученых каталогизировать и описать ее руины (“Описание Египта”; см. Французское правительство — French Government, 1809)⁶. В начале XIX века в популярных журналах стали появляться выполненные художниками гравюры с воображаемыми реконструкциями фараоновых дворцов и храмов, возбуждавшие всеобщее воображение (Денон — Denon, 1803; Робертс — Roberts, 1846-49)⁷. Разумеется, возникли вопросы: кто строил эти памятники и как давно жили те строители? К сожалению, в то время еще никому не удавалось прочесть египетские иероглифические документы. Но словно сама судьба выдвинула человека, специально по-

Наполеон Бонапарт (Наполеон I), 1769—1821, император французских социалистов (1804—1815). Одержимый манией величия, он принял в этом одном из сотен своих портретов позу римского Цезаря. (Гравюра К. Барта с портрета работы Жеррара; Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

Жан-Франсуа Шампольон (1790—1832). Необыкновенный ребенок, он словно был создан для единственной цели — раскрыть тайну египетской иероглифики. (Гравюра с портрета работы Леона Конье, 1831; Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

Греческая часть камня из Розетты, скопированная путем гравирования по меди. (“Описание Египта”, издание французского правительства, 1825; Библиотека редких книг Томаса Фишера, Университет Торонто.)

святившего себя делу расшифровки таинственного символического языка.

Жан-Франсуа Шампольон родился во Франции в 1790 году при довольно специфических обстоятельствах (Серам — Сегам, 1971а,

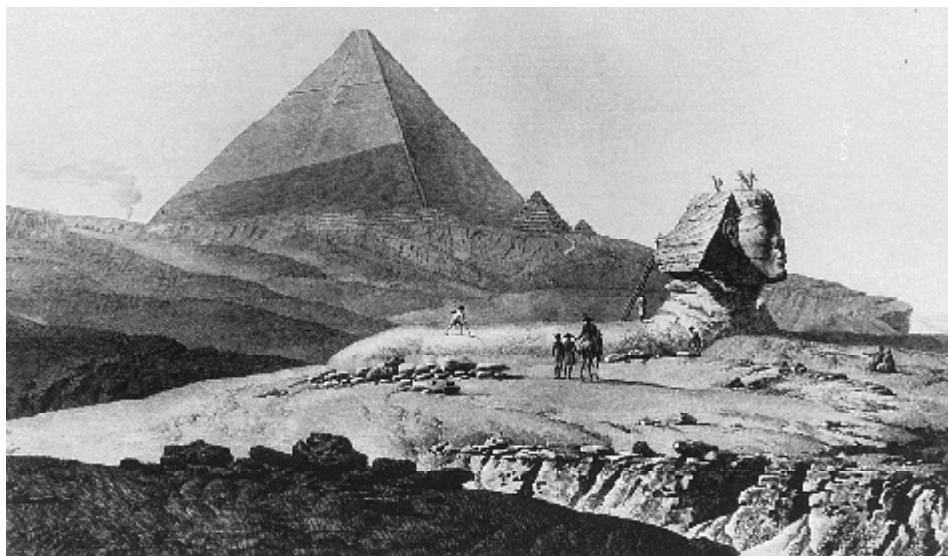
88)⁸. Говорили, что, когда он находился в утробе своей парализованной матери, она была чудесным образом исцелена местным колдуном, и тот предрек, что мальчик, которого она носит в своем чреве, прославится и надолго запомнится миру. Уже в очень раннем возрасте Жан был признан вундеркиндом, к шестнадцати годам освоил поддюжины восточных языков, а также латынь и греческий; в семнадцать он отправился в Гренобльский университет, но не в качестве студента, а как преподаватель!

В 1799 году наполеоновской армией в деревне Розетта была найдена черная каменная плита площадью около трети квадратного метра с фрагментом текста на трех языках — греческом, египетском демотическом и египетском иероглифическом. Этот мемориальный камень прославлял победу, имевшую место в 196 году до Р. Х. Гипсовая копия камня в конечном счете попала в руки Шампольону, таланты которого расцветали и который овладел к тому времени дюжиной древних языков, включая коптский, старейший из известных языков Египта.

Накопленное за жизнь знание языков он отдал делу расшифровки этих текстов, которую успешно завершил к 1822 году. И снова оказалось, что он как бы рожден для этой единственной цели, так как последующие десять лет он посвятил составлению грамматики и словаря египетской иероглифики. Завершив свой труд, Шампольон умер в возрасте сорока двух лет; его работа была опубликована после его смерти — между 1836 и 1841 годами.

Получив ключ к истории Египта, ученые приступили к составлению списка его правителей и определению дат правления различных династий. И в конце 1830-х годов стало совершенно ясно, что египетская цивилизация гораздо старше греческой, которую в то время считали древнейшей. Выходило, что высокоразвитая цивилизация существовала там задолго до 2300 г. до Р. Х., хотя, согласно любым имевшимся толкованиям Книги Бытия, это совпадало со временем Потопа, который считался всемирным. Но это еще не все. Поскольку древнейшая цивилизация настолько продвинулась в области письменности и применения математики, представлялось единственно разумным предположить, что этому предшествовал длительный, не отраженный в письменности период времени, когда данное общество развивалось от варварства до организованной цивилизации.

Хуже того, ни разу в египетских документах не появлялось упоминание об израильянах, тогда как согласно книге Исход, они провели в Египте больше четырех веков, а затем совершили знаменитый исход. Это явное отсутствие согласия с еврейской историей поставило под сомнение хронологию епископа Ашера; в высших

Экспедиция наполеоновской армии в Египте исследует сфинкса и пирамиды Гизы. (Гравюра с “Описания Египта”, 1825; Библиотека редких книг Томаса Фишера, Университет Торонто.)

эшелонах церкви лайелевскую геологию стали воспринимать более благосклонно.

Новая и популярная в девятнадцатом веке археологическая наука выявила в библейских землях множество свидетельств, некоторые из которых отвергали, но многие подтверждали Писание. Однако предвзятость отдельных ученых, истолковывавших и публиковавших эти открытия, всегда играла значительную роль в отклонении весов в ту или иную сторону. Что касается явного отсутствия в египетских письменах упоминания об израильском народе, в последние годы было выдвинуто мощное документальное свидетельство того, что традиционная хронология Египта должна быть сокращена примерно на шестьсот лет, что приводит ее в соответствие с хронологиями окружающих народов, включая Израиль. Папирусы и плиты Тель-эль-Амарны, открытые в Египте, почти построчно совпадают с подробностями, изложенными соответственно в Книгах Исхода и Царств (Великовски — Velikovsky, 1952, 23, 223). Больше двадцати лет назад, когда Либби калибровал свой метод “углерод-14” по древесине из гробницы фараона, он отметил, ссылаясь на известного египтолога, что египетские исторические датировки “возможно, завышены на пять веков” (Libby, 1963, 278)⁹. До наших дней широкой общественности неизвестно об этом подтверждении согласованности между данными из истории Египта и Библией (Мьюар — Mure,

1829)¹⁰. Вся эта проблема до сих пор увязает в противоречиях, и пока ученые пытаются забыть доктора Великовски, сфинкс, этот символ Древнего Египта, несомненно, будет и впредь оставаться таким же таинственным, каким его впервые увидел Наполеон в 1798 году.

Шаткая вера

Вплоть до 1830-х годов и до начала споров вокруг лайелевской геологии и в Англии, и на континенте популярным хобби путешественников было собирание окаменелостей; это считалось приобщением к тому, что говорится в Книге Бытия о великом Потопе. Однако уничтожительные проклятия, раздававшиеся со всех сторон и со всех кафедр в адрес “Основ” Лайеля, по ассоциации создали геологии репутацию “опасной науки”; связь с ней грозила “вечным проклятием”. Сбор пород и окаменелостей утратил привлекательность, особенно после самоубийства писателя-геолога Хью Миллера в 1856 году (о чем речь пойдет ниже). В число других популярных способов времяпрепровождения в девятнадцатом веке входило коллекционирование жуков (молодой Дарвин был их страстным коллекционером), бабочек, папоротников и т. п., но за всем этим скрывалось стремление лучше понять Главного Конструктора творения. Вначале эту деятельность называли естественным богословием. Позднее это хобби переросло для некоторых в научную профессию, слово “богословие” с его “религиозной” ассоциацией было опущено, и предмет получил название “естественная философия”; позже его заменило понятие естественной истории. Барбер (Barber, 1980) весьма привлекательно документирует связь между падением общественного интереса к естественной истории и одновременным подъемом теории эволюции.

Вооруженные неоспоримым, как тогда казалось, египетским свидетельством мифологической основы Библии, а также лайелевским толкованием последних геологических открытий, некоторые ведущие светила церкви, у которых не всегда ладилось с чудесами, стали открыто выражать свои истинные чувства. Они писали собственные варианты толкования в виде научных комментариев на Библию. Под влиянием коллег некоторые из менее выдающихся деятелей поколебались в своей вере.

Вначале авторы комментариев, чувствуя необходимость примирения Писания с геологией, осторожно предположили, что Всемирный Потоп был локальным событием. Лет десять спустя этот взгляд уступил место мнению, что все библейское повествование представляет собой миф или в лучшем случае религиозную аналогию. Ирония заключалась в том, что в течение почти тридцати лет, разделяю-

*Николас Уайзмэн (1802—1865)**Генри Мэннинг (1808—1892)*

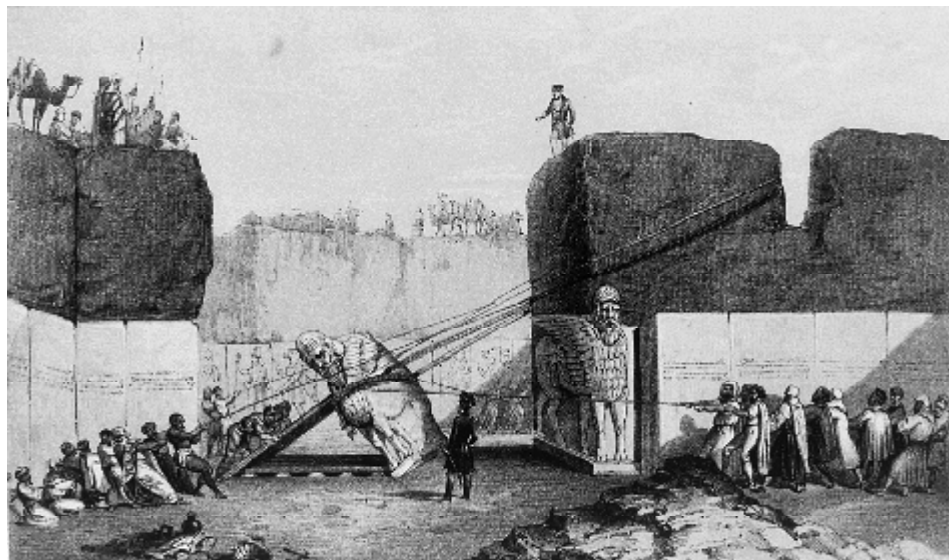
Представитель Римско-католической Церкви в Англии кардинал Николас Уайзмэн отверг библейское повествование о Сотворении в пользу Лаейля еще в 1836 году. Кардинал Мэннинг, консерватор из той же самой церкви, предпринял в 1861 году активные меры по защите библейского повествования. (Из коллекции автора.)

ших “Основы геологии” Лайеля и “Происхождение видов” Дарвина, наиболее плодотворную и практическую работу в геологии вели такие люди как, например, Адам Сэджуик, Уильям Баклэнд, Уильям Коунибир, Родерик Мёрчисон, Луи Агассис и другие, большинство из которых в те годы были убеждены в историчности и глобальном характере Всемирного Потопа¹¹.

Мы уже говорили, что в любой организации, например, будь то в правительственном департаменте или на церковном уровне, взгляды человека, стоящего на вершине иерархии, по большей части распространяются до самого низа всей структуры. Когда кто-то из низов не разделяет этих взглядов и заявляет о несогласии, это считается ересью; когда преобладающее мнение изменяют те, кто принадлежит к высшей власти, это считается истинным озарением. И моменты такого озарения не остаются незамеченными. Например, доктор Сэмюэл Тёрнер, преподаватель библейской литературы в общей богословской семинарии Епископальной Церкви в Нью-Йорке (эквивалент Англиканской церкви в Великобритании и Канаде), в 1841 году издал “Путеводитель по книге Бытия”, в котором указал, что Потоп был локальным событием (Тёрнер — Turner, 1841, 216). Естественно, его студенты пользовались этой книгой как учебником, и в течение всего нескольких лет это утверждение распространилось через сотню американских церковных кафедр среди тысяч прихожан. В Англии один из столпов Римско-католической церкви кардинал Николас Уайзмэн в цикле из двенадцати лекций, опубли-

кованном в 1836 году, вовсе отказался от библейской хронологии в пользу геологической науки. Римско-католическая Церковь в Германии стала отвергать библейский Потоп под влиянием поучений профессора Рёйша в Боннском университете в 1862 году (Reusch, 1886). И сегодня можно увидеть, что обычно твердая вера в описанный Моисеем Потоп обернулась в девятнадцатом веке неверием в результате осторожного высказывания в “Библейском словаре” Смита, изданном 1884 году. Эта книга широко перепечатывается в наши дни, и упомянутое высказывание можно найти в статье “Ной” (Smith, 1967)¹². Вряд ли следует приводить скучный ряд подобных примеров, чтобы еще раз продемонстрировать, как убеждение, в течение нескольких тысяч лет считавшееся бесспорно правильным в еврейском и арабском, а затем и в иудео-христианском мире, было постепенно отвергнуто, и в первую очередь — отдельными вождями христианской церкви, хотя отнюдь не всеми. Заметным исключением является кардинал Римско-католической церкви Мэннинг (Manning, 1865—74)¹³.

Пока тень неверия в Библию и, в частности, в Потоп покрывала все большее число богословов, на Ближнем Востоке англичанин Остин Генри Лэйард сделал ряд археологических открытий; его волнующие отчеты стали общеизвестными в 1850-е годы. До этого времени реальность Ниневии и Вавилона, постоянно упоминаемых в

Напоминание о видении Иезекииля — статуи, изображавшие странные создания, были найдены во дворцах Ниневии и извлечены Лэйардом, а затем переданы Британскому музею, где они и находятся по сей день (Layard, 1849, vol. I; Научная библиотека Джона П. Робартса, Университет Торонто.)

различных книгах Библии, приходилось просто принимать на веру; в действительности же не существовало ни следа этих якобы громадных городов. Лэйард (Layard, 1849) был чрезвычайно способным и предприимчивым человеком со склонностью к языкам и писательским даром; его популярные рассказы приятно читать и в наши дни¹⁴. Он открыл легендарный город Ниневию и, раскопав всего лишь часть дворца и библиотеку, отправил в Британский музей большое количество бесценных массивных экспонатов. Для размещения этих сокровищ, которые с большой гордостью были выставлены для обозрения, был построен специальный корпус музея. Друг Лэйарда Эмиль Ботта (Botta and Flandin, 1849—50), работавший для Музея Лувра в Париже, тем временем открыл сказочный город Вавилон.

Таким образом, библейские рассказы об этих городах оказались подтвержденными, и люди, усомнившиеся в вере, могли почувствовать уверенность в том, что почва под их ногами не “поколебалась” (Брэкман — Brackman, 1978)¹⁵. Евангелическое движение получило значительную поддержку благодаря открытиям Лэйарда (Брэдли — Bradley, 1975; Хэйбершон — Habershon, 1909; Томпсон и Хатчинсон — Thompson and Hutchinson, 1929)¹⁶. Позднее, как мы увидим в следующей главе, некоторые из критиков Библии повернули это библейское подтверждение в свою пользу; тем не менее, процесс укрепления пошатнувшейся веры, начатый Лэйардом в 1849 году, продолжался в течение всего следующего десятилетия. Затем в 1859 году выступил Дарвин.

Кости брошены

Почва для Дарвина готовилась в течение жизни целого поколения разными путями, в том числе шестью изданиями “Основ” Лайеля (Лайель с гордостью отмечал этот факт, обращаясь к Геккелю; К.Лайель — Lyell, K., 1881, 2:436)¹⁷. Во-первых, хотя Лайель никогда открыто не критиковал ни церковь, ни богословские догматы того времени, его истолкование геологических свидетельств сеяло все возрастающее сомнение в правильности ранних глав Библии — в особенности рассказа о Потопе в Книге Бытия. Для некоторых концепция Земли, возраст которой составляет миллионы лет, а не тысячи, представлялось более разумной. Во-вторых, Лайель принял на себя множество оскорбительных нападок со стороны церкви и прессы, так что удары, позднее направлявшиеся против Дарвина, к тому времени стали значительно более мягкими. Наконец, споры вокруг лайелевской геологии стали хорошей рекламой и послужили подготовке умов к обращению в веру дарвиновской эволюции. Хитрый прием использования хорошо разрекламированных споров бу-

дет угадываться впоследствии в единстве метода тщательно спланированной “оркестровки” таких событий, как публикация “Происхождения видов”, дело епископа Коленсо в 1860 году и знаменитый “обезьяний процесс” Скоупса в штате Теннесси в 1925 году; в следующих главах расскажем об этих событиях более подробно.

Еще одним важным фактором в числе мостивших дорогу Дарвину была анонимная публикация в 1844 году книги под названием “Отходы творения”. Основываясь на лайелевском принципе униформизма, автор описал развитие (эволюцию) от низших к высшим формам жизни в течение весьма продолжительного времени, однако механизма этого процесса развития не предложил. Что особенно шокировало викторианское мировоззрение, так это то, что божественная роль была сведена к нулю в пользу природы, действующей по естественным законам.

Громогласные публичные выступления против “Отходов” все-сторонне осудили эту книгу, и все же идея была посеяна. Понятно, что лишь через сорок лет после публикации стало известно имя автора, а за это время она успела сослужить свою службу и даже пыль споров вокруг Дарвина улеглась. Автором идеи был Роберт Чеймберс, выдающийся шотландский писатель и издатель (в числе его публикаций “Словарь” Чеймберса), который фактически уединился на два года для подготовки этой работы (Chambers, 1844)¹⁸. Он знал, что то, о чем пишет, вызовет споры, — значит, должно быть опубликовано анонимно с целью сохранения его репутации и деловых интересов. Каковы же его мотивы? Не было никакой гарантии

Филип Госс (1810—1888). Опытный натуралист, автор трудов и член церковного общества “Плимутская братия”, он не отказался от библейской неизменности видов. (Библиотека редких книг Томаса Фишера, Университет Торонто.)

финансового успеха его книги. Но оказалось, что успех пришел, и за несколько лет книга выдержала десять изданий, хотя всякому компетентному натуралисту того времени было известно, что она полна ошибок и необоснованных взлетов фантазии. Дарвин счел эту книгу абсурдной, но признал, что “она сослужила прекрасную службу... в привлечении внимания к теме, в устранении предрассудков и, таким образом, подготовила почву для аналогичных взглядов” (Darwin, 1872, XVII).

Стоит обратить внимание, насколько искусно были готовы на роль апостолов новой веры умы активных и влиятельных людей непосредственно перед публикацией дарвиновского “Происхождения видов”. Первое издание “Происхождения” было опубликовано в Лондоне 24 ноября 1859 года. Рассказы современников послужили основой для неоднократно повторяющегося утверждения, что нетерпеливая публика в первый же день раскупила весь первый тираж в 1250 экземпляров. Тот факт, что издатель Джон Марри продал весь тираж, сомнений не вызывает, но вот заявление, что все экземпляры раскупила нетерпеливая публика, было поставлено под серьезное сомнение Фримэном (Freeman, 1965, 21), поскольку эта книга даже не рекламировалась. Более вероятно, что большинство экземпляров, если не весь тираж, было закуплено на дилерском аукционе агентами Лайеля и Гукера за неделю или около того до официальной даты опубликования. Затем книги разослали бесплатно известным благосклонным лицам, занимавшим влиятельные посты. Эта практика в то время была не внове, и два факта дают основания предположить, что именно так и обстояло дело с продвижением дарвиновской теории эволюции.

Первый факт отмечен в биографии Филиппа Госса, опытного натуралиста и члена Королевского общества, который в 1850-е годы был очень популярным автором работ по естественной истории. В биографии говорится, что после одного из заседаний Королевского общества летом 1857 года Госс имел беседу с Джозефом Гукером, обратившимся к нему как к возможному кандидату для освещения тайн естественного отбора. Очевидно, это была идея Лайеля — спокойно прощупать и задействовать ядро влиятельных натуралистов, симпатизировавших идее изменчивости видов, иначе говоря — тех, у кого вызывают трудности такие вопросы, как сверхъестественное сотворение и неизменность видов (Э. Госс — Gosse, 1907, 116)¹⁹.

Из биографии Госса следует, что после Гукера такой же зондаж провел Дарвин. Все это происходило больше чем за два года до опубликования “Происхождения видов”. Когда книга вышла, Госс был членом “Плимутской братии”, твердо убежденным в библейской неизменности видов; он не имел ничего общего с ересью, вы-

нашиваемой Лайелем и компанией. В высшей степени маловероятно, чтобы Госс получил один из экземпляров первого тиража “Происхождения видов”, поскольку именно в это время он высказал свои взгляды на тему происхождения жизни в своем труде “Средоточие”, где довольно странным образом и абсолютно безуспешно пытался примирить геологию с Книгой Бытия (Gosse, 1907, 121)²⁰.

Второй факт известен из переписки натуралиста-любителя, автора публикаций и англиканского богослова Чарльза Кингсли. Подозревая в нем симпатизирующего, Кингсли вручили экземпляр “Происхождения видов”. Интересно отметить, что письмо Кингсли с благодарностью Дарвину датировано 18 ноября 1859 года; автор книги должен был получить его за целую неделю до официальной даты публикации (Ф. Дарвин — Darwin, F., 1887, 2:287). Кингсли писал: “Я должен отказаться от многого, во что верил и о чем писал”. Чтобы подчеркнуть свою победу, Дарвин цитирует отрывок из этого признания Кингсли во втором издании “Происхождения видов”:

Знаменитый писатель и богослов написал мне, что “он постепенно научился понимать, что концепция Бога, предполагающая веру в то, что Он создал несколько первоначальных форм, способных саморазвиваться в другие необходимые формы [эволюция одного вида в другой], столь же благородна, как и предполагающая веру в то, что Ему потребовался новый акт сотворения для заполнения пробелов, возникших в результате действия Его законов (Darwin, 1860, 481).

Эта цитата недолго ждала своего часа, поскольку второе издание появилось лишь спустя два месяца после первого (январь 1860

Чарльз Кингсли (1819—1875). Отойдя от ортодоксальной веры под влиянием идеи Дарвина, он быстро принял новую веру, за что и был вознагражден должностью каноника в Вестминстере в 1873 году. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

года). Можно не сомневаться в том, что такая исповедь видного представителя духовенства была чрезвычайно полезна при преодолении главного источника оппозиции дарвиновской теории.

Выражение Кингсли “саморазвиваться в другие необходимые формы” вскоре нашло свое отражение в книге для маленьких детей, написанной в 1863 году в связи с поездкой на рыбалку. Это произведение под названием “Дети воды” весьма типично для викторианской литературы. Однако в то время как большинство ее представителей почитали Отца-Бога — очевидного Создателя, Кингсли модифицировал эту идею в пользу Матери-Природы с намеком на эволюцию (Фрэнсис Кингсли — Kingsley, F., 1904, 245)²¹. Герой повествования мальчик Том обращается к Матери Кэри (синоним Матери-Природы) в ожидании увидеть, как она “делает новых животных из старых”. Мать объясняет, что ей нет нужды заниматься этим и что она просто сидит и “заставляет их делать самих себя” (Чарльз Кингсли — Kingsley, C., 1979, 232). Интересно, что, несмотря на устаревшие викторианские поучения и ужасные иллюстрации, эта книжица Кингсли по-прежнему переиздается: в 1979 году появилось ее репринтное издание.

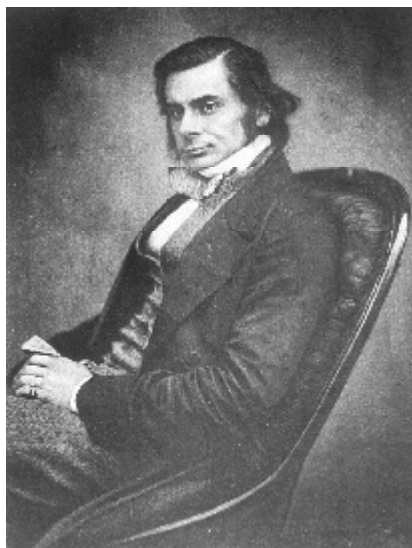
Чарльза Кингсли можно считать типичным представителем многих не только современных ему, но, пожалуй, в особенности нынешних служителей церкви, в той или иной мере запутанных служителями науки. После исповеди перед Дарвином и вскоре после опубликования “Детей воды” его в 1863 году избрали членом Геологического общества, чему способствовал Лайель. Благодарный за это, Кингсли писал: “Я чувствую, как мало я знаю и как я недостойн быть среди действительно великих” (Kingsley, F., 1904, 249). Знай он, что столетием позднее некоторые из самых сокровенных идей Дарвина были развенчаны людьми науки как “праздная тавтология”, он наверняка бы перевернулся в своей могиле, которая находится поблизости от могилы Дарвина в Вестминстерском аббатстве.

Поворотный пункт

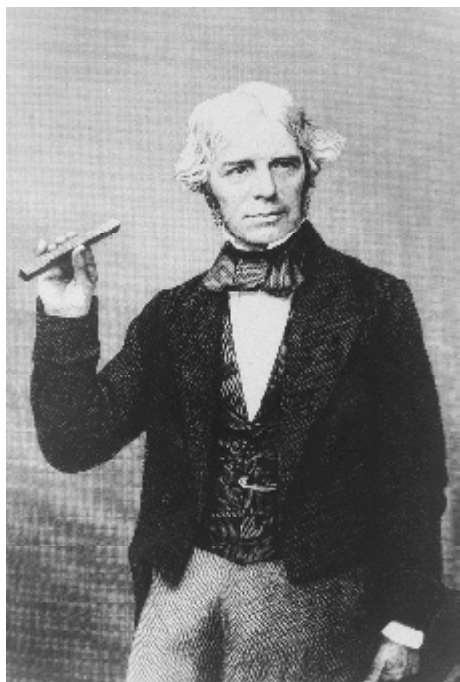
Момент истины в конфронтации между откровением и разумом, между представлениями о четырех тысячелетиях и дарвиновской эволюцией наступил 30 июня 1860 года во время оксфордского собрания Британской ассоциации прогресса науки. Первое издание “Происхождения видов” было благоразумно передано в сочувственные руки из верхних эшелонов церкви и государства. Успех второму изданию обеспечил напечатанный 26 декабря 1859 года во влиятельной газете “Лондон Таймс” обзор книг прошлого месяца, автором которого был Томас Гексли.

Как обычно, Дарвин в это время был болен и на оксфордском собрании не присутствовал, но Гексли выступил как самозванный бульдог, доказав, что он является самым преданным рупором Дарвина. Гексли руководствовался своим чувством враждебности к духовенству, статус которого в то время был намного выше научного. Он подобрал жесткие научные факты в качестве непобедимого оружия против помпезной риторики некоторых авторитетов английской церкви. Годы спустя, вспоминая битву за дарвинизм, он говорил: “Дорогой юноша... вы недостаточно стары, чтобы помнить времена, когда таких людей, как Лайель и Мэрчисон, считали недостойными слизывать пыль с сапог священника. Я с удовольствием разворотил бы им рот своей пяткой” (Эрнл — Ernle, 1923). Хотя он был не во всем согласен с Дарвином, “Происхождение видов” предоставило ему необходимую возможность сразиться с церковной властью.

Его противником и ярким защитником ортодоксального взгляда был англиканский епископ Сэмюэл Уилберфорс, сын знаменитого политика Уильяма Уилберфорса, известный повсюду своим большим опытом дискуссий. Будучи богословом, Уилберфорс тем не менее обладал чрезвычайными способностями в естественных науках, а в дни учебы в Оксфорде считался первым по математике. В

Представители противоборствующих сторон оксфордской дискуссии 1860 года (фотографии сделаны примерно в то же время). Тридцатипятилетний Гексли, возможно, испытывал беспокойство, выступая против человека, который был на двадцать лет старше его, да еще на “территории противника”. Уилберфорс носил академическое платье оксфордского преподавателя, но, кроме того, он был епископом Англиканской Церкви и обычно упоминается именно в этом качестве. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

Майкл Фарадей (1791—1867).
Одни из крупнейших ученых девятнадцатого века, чьи открытия в области электротехники принесли большую пользу человечеству. Он никогда не принимал теории Дарвина. (Гравюра Джонсона Фрая: в руке Фарадея полосовой магнит; Медицинская академия, Торонто.)

отчетах об этой дискуссии Уилберфорса неизменно представляют неким безрассудным бастионом предрассудков. Но Люкас (Lucas, 1979) показывает, что это не соответствует фактам²². Прежде всего, можно с уверенностью сказать, что ни один из десятков различных отчетов не является правильным, так как стенографической записи знаменитой дискуссии не велось и вся информация о ней составлена с чьих-то слов. Во-вторых, присутствовавший на собрании Гукер (Лайель отсутствовал) отнюдь не осуждает поведение епископа, хотя и отмечает, что именно он, Гукер, выступил в ходе дискуссии в защиту дарвинизма²³. Наконец, Уилберфорс незадолго до 30 июня 1860 года написал рецензию на “Происхождение видов”, которая была опубликована в следующем месяце; так что представляется разумным судить о его позиции по этой работе. Она содержала тщательно аргументированное мнение, что перед лицом факта стабильности видов предположение Дарвина о том, что один вид может переходить в другой, выглядит необоснованным (Wilberforce, 1860). Дарвин признал убедительность этой критической обзорной статьи и назвал ее “необычайно умной: она искусно выявляет наиболее сомнительные предположения и недостатки” (Darwin, F., 1887, 2:324)²⁴.

После завершения оксфордской дискуссии Дарвина и его теорию эволюции стали воспринимать как победителя и победившую идею, тогда как Уилберфорс и церковь удалились лелеять свой по-

трепаный престиж, пытаюсь отыскать какой-то компромисс для восстановления потускневшего образа Библии. В значительной степени это было именно так, хотя и продолжался арьергардный бой, в ходе которого богословы капитулировали один за одним, принимая то, что в действительности в то время было точкой зрения меньшинства ученых.

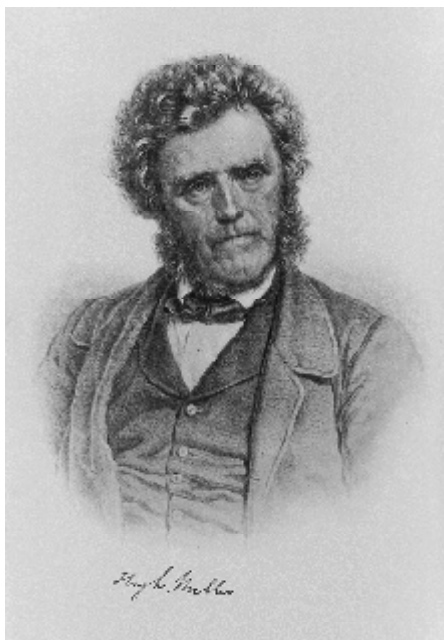
В описаниях науки девятнадцатого века наблюдается тенденция пренебрежения такими именами, как Майкл Фарадей, Джеймс Максвелл и Уильям Томсон (впоследствии — лорд Кельвин), которые во время выхода в свет “Происхождения видов” уже были подлинными гигантами науки. Эти люди пользовались большим авторитетом среди ученых того времени, и ни один из них не принял теорию Дарвина; все они защищали библейский вариант происхождения жизни. Однако в течение десятилетия, ознаменовавшегося публикацией “Происхождения видов”, когда многие из церковных лидеров нашли какой-то компромисс между дарвиновской и библейской версиями происхождения человека, осталась небольшая оппозиция — достаточно небольшая, чтобы можно было открыто упоминать о ней в национальной прессе. По мере того, как газеты, журналы, крупные иллюстрированные издания занимали позицию теории эволюции, становилось все труднее публиковать статьи, написанные с противоположной точки зрения. В итоге те представители духовенства, которые по-прежнему возражали Дарвину, часто оказывались перед закрытой дверью редакции и были вынуждены довольствоваться брошюрами. Обычным аргументом тех, кто все еще защищал библейскую позицию в отношении происхождения жизни, было то, что, поскольку часть Писаний дискредитирована и отнесена к области мифа и легенды, с такой же легкостью можно было бы отбросить и любую другую часть, в которую кому-то показалось бы трудным поверить; возможными кандидатами для такого исхода считали Непорочное Зачатие и Воскресение. Кроме того, они писали, что центральным тезисом христианской веры была убежденность, что Иисус Христос, будучи Сыном Божьим, признавал писания Моисея. Особо отмечали Авеля, сына Адама, а также Потоп²⁵. Если бы эти сюжеты не были верны, говорили они, тогда Христос был бы полным невеждой, а не Творцом, за которого себя выдавал, или же лжецом; в обоих случаях не могло бы быть уверенности ни в чем другом, о чем Он говорил (Бозарт — Bозarth, 1978)²⁶. Эта аргументация прозвучала еще в период споров вокруг “Основ геологии” Лайеля, но теперь она разделяла взгляды либералов и консерваторов внутри церкви. В результате были предложены различные компромиссные решения, в том числе весьма остроумные.

Компромиссы: теория дня-эпохи и теория разрыва

Люди девятнадцатого века читали с жадностью, и споры вокруг лайелевской геологии были широко известны. По мере новых открытий, в особенности тех, которые вступали в противоречие с повествованием Книги Бытия о Сотворении и о Потопе, возникла необходимость в каком-то примирении, которое позволило бы считать верными как науку, так и Библию. В отличие от привычного нам хода мышления, большинство людей той эпохи верили, что Библия вдохновлена Богом и не содержит ошибок. Выдвинутая Кьюве (см. третью главу) теория многочисленных катастроф и воссоздания стала в Англии на короткое время популярным компромиссом, но с появлением свидетельств, содержащихся в работе Лайеля, потерпела крах. Более того, в условиях, когда геология предполагала миллионы лет, а Книга Бытия допускала всего несколько тысяч, примирение казалось невозможным. Тогда появился в высшей степени изобретательный шотландец, ставший популяризатором другого решения.

Хью Миллер, воспитанный в кальвинистском духе, верил в буквальную трактовку Книги Бытия. Он работал в каменоломнях, хорошо разбирался в породах и окаменелостях, к тому же был высокообразованным человеком, наделенным редким даром письменного изложения своих мыслей. Миллер написал несколько книг, прославляющих горные породы и их Творца, чем помог рассеять многие сомнения, порожденные геологией Лайеля.

Трудовой люд легко воспринимал книги Миллера, и они стали чрезвычайно популярными. Их автор решительно возражал против положений лайелевской геологии, в частности против “Отходов” Чеймберса. Выдвигая доводы против теории постепенного развития (эволюции), он указывал, что геология часто выдавала регресс жизни за ее прогресс. Работавший много лет с геологическими породами, Миллер, разумеется находился в лучшем положении для утверждений такого рода, нежели Лайель или автор “Отходов”. В опровержение “Отходов”, опубликованных пятью годами раньше, Миллер в 1849 году написал книгу “Следы Творца” и сделал несколько пронизательных замечаний относительно того, что считал чудовищной теорией развития (эволюции). Он говорил, что логическим результатом теории, утверждавшей, что человек имеет родство с животными, является признание того, что душа человека не может быть бессмертной (в противном случае пришлось бы согласиться с тем, что у животных также есть бессмертная душа, требующая спасения, как и у человека). “Таким образом, — заключал Миллер, — хотя теория эволюции и не является атеистической, она по меньшей мере равноценна атеизму. Потому что, если человек является уми-

Хью Миллер (1802—1856),
каменщик, геолог и писатель.
Этот талантливый шотландец,
будучи в состоянии депрессии,
застрелился в сочельник 1856 года.
(Собрание автора.)

рающим существом [то есть лишенным бессмертной души], ограниченным в своем существовании нынешним положением вещей, какое практическое значение и какую нравственную цель имеет факт существования или отсутствия Бога?" (Miller, 1849, 14). Это заявление, сделанное в 1849 году, эхом отзывалось в чувствах многих духовных лиц на протяжении остальной части столетия, а результаты этого пророчества болезненно очевидны в нашем обществе сегодня.

В ходе обширных геологических изысканий, сопровождавших дискуссию вокруг Лайеля, было обнаружено много новых ископаемых видов, и Ноев Ковчег стал казаться недопустимо переполненным. Тогда Миллер занял и стал популяризировать позицию, впоследствии разделенную и другими, включая Лайеля, согласно которой Потоп был не всемирным, а локальным событием. Это был серьезный отход от ортодоксального убеждения. Однако некоторые приняли его как компромисс, по-видимому, не учитывая, что локальное наводнение вообще не требовало бы строительства Ковчега, поскольку Ной мог просто уйти из соответствующей зоны. Идея локального потопа таила в себе и другие проблемы, так как в то время окаменелости, обнаруженные в осадочных породах, считались результатом Потопа, описанного в Книге Бытия, а осадочные породы находили по всему миру. Эта натянутая трактовка сюжета из Книги Бытия была обусловлена большим количеством видов, заявленных в то вре-

мя натуралистами, но, как подчеркивалось в шестой главе, некоторые ученые начали понимать, что могли существовать архетипы, что значительно сократило бы общее число.

Миллер сделал еще одну важную уступку, истолковав описанные Моисеем дни Сотворения как эпохи, из которых последние три дня соответствовали первичному, вторичному и третичному геологическим периодам. По его словам, дни эти имели продолжительность двадцать четыре часа, но были днями откровения о Сотворении, дарованного Моисею на вершине горы Синай, а не входили в неделю Сотворения (Miller, 1857, 179). И другие обращались к такому аргументу, основываясь на библейском изречении: “У Господа один день как тысяча лет и тысяча лет как один день” (2 Петра 3:8). Согласно такому взгляду, неделя Сотворения могла длиться шесть тысяч лет. Миллеру и другим геологам было “ясно”, что время в шесть тысяч лет безнадежно мало для отложения осадочных пород мощностью в сотни метров, — для этого нужны миллионы лет. Однако в Библии ясно сказано “тысяч”, а не “миллионов”, и это является еще одной натяжкой теории, которую в настоящее время принято называть “теорией дня-эпохи”. В некоторых кругах в наши дни популярны две весьма сходные теории, известные под названиями “прогрессивный креационизм” и “конкордизм”. Из уважения к радиометрическому датированию обе эти теории приравнивают дни недели Сотворения к продолжительным периодам геологического времени, и по существу они являются разновидностями теории дня-эпохи (Рэмм — Ramm, 1954)²⁷.

Миллеровский вариант теории дня-эпохи популяризировался в его книге “О чем говорят камни”, опубликованной в 1857 году, уже после смерти автора (Miller, 1857). Часть духовенства, все еще верная буквальной трактовке, не преминула указать на самоубийство Миллера как на следствие попытки подчинения Библии науке, и не только достоверность его доводов, но и геология как “хобби” быстро утратили популярную привлекательность.

Еще более ранняя попытка примирить геологию с Библией была предпринята Томасом Чалмерсом, также шотландцем, преподавателем евангельского богословия в Эдинбургском университете. Он основал Свободную Шотландскую Церковь и, поскольку обращался к бедным и униженным, позднее стал известен как “отец современной социологии”. Воспользовавшись весьма неясными сочинениями голландца Эпископиуса (1583—1643), Чалмерс сформулировал очень популярную идею, которая впервые прозвучала в одной из его лекций в 1814 году: “Подробная история Сотворения в первой главе Книги Бытия начинается с середины второго стиха” (Chalmers, 1857, 5:146). Чалмерс продолжал объяснять, что первое

изречение — “Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною” — относится к доадамовой эпохе, о которой Библия в основном умалчивает. Произошла некая большая катастрофа, которая оставила землю “безводной и пустой” или разрушенной, и в этом состоянии она оставалась в течение большого количества лет, требуемых геологией. Наконец, приблизительно шесть тысяч лет назад повествование Книги Бытия возобновляется: “Дух Божий носился над водою”. Остальные стихи согласно этой версии, рассказывают о возрождении и о сотворении всех живых форм, включая человека.

Это объяснение, именуемое либо как теория разрушения-восстановления, либо как теория разрыва, допускало, что все окаменелости — свидетельства жизни, существовавшей когда-то в доадамову эпоху, но по-прежнему позволяло считать, что описанные в Книге Бытия “дни” были буквально днями продолжительностью в двадцать четыре часа каждый. Теория эта была привлекательной и, казалось бы, обеспечивала превосходное примирение между наукой и Библией — при условии не слишком тщательного ее изучения. Она была принята, возможно, некритически рядом авторов девятнадцатого века, в особенности Пембером с его книгой “Самые ранние эпохи Земли и их связь с современным спиритизмом и теософией”. Книгу напечатали в 1884 году, и она претерпела, слегка изменив название, восемнадцать изданий, последнее из которых вышло в 1942 году (Pember, 1884)²⁸. В конечном счете эта теория была “канонизирована” посредством включения в популярное издание Библии с комментариями Скоуфилда, впервые обнародованное в 1909 году и

Томас Чалмерс (1780—1847). На гравюре он изображен в возрасте сорока одного года, через несколько лет после возрождения идеи о том, что между первым и вторым стихом первой главы Книги Бытия существует временной разрыв. (Библиотека Колледжа Нокса, Университет Торонто.)

регулярно переиздаваемое с того времени. Эта теория фигурирует там в качестве сноски к 45-й главе книги пророка Исайи. Однако отнюдь не каждый подпишется под теорией пробела, поскольку в ней слишком много нетипичных толкований некоторых древнееврейских слов, а также потому, что эту теорию невозможно примирить с некоторыми другими утверждениями Библии. Например, одна из важных библейских доктрин состоит в том, что смерть, о которой свидетельствуют окаменелости, пришла после Адама, а не до него (Рим. 5:12).

В наши дни, ввиду очевидных серьезных недостатков униформистской геологии Лайеля, мало кто взялся бы потворствовать любым библейским взглядам, содержащимся в теории пробела (Кастенс — Custance, 1970; Филдз — Fields, 1976)²⁹. Более правильным считается принять буквальное понимание первых глав Книги Бытия, не осложняя это “разрывами” или “днями, означающими эпохи”. Те, кто придерживается этого и кого часто называют “креационистами”, находятся в настоящее время в меньшинстве, осуществляя полный разворот к вере в полную непогрешимость Библии, что до Дарвина было общепринятой позицией (Намберз — Numbers, 1982).

Таковы некоторые из наиболее популярных попыток примирить геологию с Книгой Бытия, и многие из этих идей находятся в коллективном подсознании и в наши дни. Каждая из них смешивает более или менее науку с более или менее Писанием и дает более или менее абсурдный результат. В настоящее время многие верят в то, что существует более изящный способ примирения, и представляют христианство перед алтарем науки в более уважаемом виде. В основном эта аргументация сводится к тому, что Бог использовал эволюционный способ для сотворения всего существующего. Следующая глава посвящена изучению происхождения этого популярного представления как в Протестантской, так и в Католической Церкви и предвосхищает тему последней главы, в которой наука, церковь и политика тяготеют к единству.